

ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ КАК ВЫЗОВ: ИДЕНТИЧНОСТЬ РОССИЙСКОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ В XXI ВЕКЕ

О.М. Здравомыслова, Н.В. Кутукова

Здравомыслова Ольга Михайловна – доктор философских наук, социолог, исполнительный директор Международного фонда социально-экономических и политологических исследований («Горбачёв-Фонд»). 125167, Москва, Ленинградский проспект, 39, стр. 14. E-mail: olgazdrav@gorby.ru

Кутукова Наталья Васильевна – доцент кафедры мировой культуры и литературы МГИМО МИД России. 119454, Москва, проспект Вернадского, 76. E-mail: kutukova-natalya@yandex.ru

Здравомыслова О.М., Кутукова Н.В. 2020. Интеллигенция как вызов: идентичность российской интеллигенции в XXI веке. *Концепт: философия, религия, культура*. Том 4. № 1(13). С. 7-20. <https://doi.org/10.24833/2541-8831-2020-1-13-7-20>

Статья поступила в редакцию: 11.12.2019. Принята к публикации: 24.01.2020.

Конфликт интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Статья посвящена проблеме формирования идентичности российской интеллигенции в XXI веке. Авторы прослеживают исторический путь, который прошла российская интеллигенция. Русские философы XX века оценивали этот путь как трагический, отмечая при этом, что интеллигенция сама писала свою историю, запечатлев её в текстах, без которых нельзя представить себе отечественную культуру. В формировании её идентичности ведущую роль играет культурная память,

которая позволяет интеллигенции сохранить свою целостность. В ходе постсоветских трансформаций интеллигенция начала утрачивать не только роль инициатора и участника общественных изменений, но и роль моральной элиты. Последствия этого процесса деструктивны для молодых поколений и общества в целом. Исследование, проведенное авторами статьи, показало, что меняется как дискурс интеллигенции, так и дискурс об интеллигенции, хотя она по-прежнему выражает себя и формирует идентичность в споре о прошлом, настоящем и будущем России. Её открытость культурным и социальным изменениям позволяет говорить о формировании типа интеллигенции XXI века. Исследование также показало, что меняется отношение к интеллигенции, характерное для молодого поколения образованных россиян, живущих теперь в открытом, глобальном мире. Новые представления об интеллигенции сближаются с её европейским пониманием как интеллектуальной элиты. В то же время прослеживается стремление молодых россиян обратиться к ценностям, исторически составившим моральный кодекс русского интеллигента. Таким образом, речь идёт не об исчезновении интеллигенции из общественной жизни России, а о том, что идентичность интеллигента становится культурным вызовом для молодого поколения современных россиян.

Ключевые слова: философия, культурная память, интеллигенция, интеллектуалы, концепт и поиск самоидентичности, русский спор.

Интеллигенция играет в русской культуре и российской истории особенную роль. В эссе «Трагедия интеллигенции», опубликованном через десять лет после Октябрьской революции, философ и историк Георгий Федотов писал, что в случае с русской интеллигенцией мы имеем дело с единственным, неповторимым явлением истории. Федотов одним из первых отметил несовпадение понятий «интеллигенция» в русском языке и других европейских языках, в которых «нет вещи, которая могла бы быть названа этим именем» [Федотов, 1927: 146]. Само это имя является выражением самосознания интеллигенции, стремления осмыслить «своеобразие своего положения в мире», своё прошлое и своё предназначение.

Интеллигенция запечатлела собственную историю в текстах, «имеющих широкий резонанс и длительную жизнь» [Гаспаров, 1996: 21], навсегда вошедших в отечественную культуру. Поэтому отношение себя к интеллигенции – это всегда обращение к культурной памяти, установление взаимосвязи с ней. Именно культурная память позволяет поддерживать социальную идентичность интеллигенции – осознание своей принадлежности к этой социальной группе и признание эмоциональной значимости такой принадлежности [Андреева, 2005: 274].

Культурный тип и характер

Эссе Федотова «Трагедия интеллигенции» замечательно тем, что в нём интеллигенция предстаёт как уникальный культурный тип и особый характер, сформированные отечественной историей. На протяжении длительного времени интеллигенция являлась её субъектом, активно вмешивалась в российскую историю и придала ей черты, свойственные самой интеллигенции. Черты эти:

- во-первых, идейность – «готовая система «истин», в соответствии с которой интеллигенция выстраивала своё личное и политическое поведение;

- во-вторых, беспочвенность, или «отрыв» от национальной почвы – «от быта, от национальной культуры, от на-

циональной религии, от государства, от класса, от всех органически выросших социальных и духовных образований» [Федотов, 1927: 150-152];

- в-третьих, свойственный интеллигенции догматизм, подавляющий анализ действительности, отсутствие критики социальных теорий, принимаемых интеллигенцией как истина и даже «религиозное откровение», – об этом писал Н.А. Бердяев в своём широко известном сочинении «Истоки и смысл русского коммунизма» [Бердяев, 1990: 17-20].

Начиная с XVIII века судьба интеллигенции олицетворяла собой неразрешённую проблему русской культуры и личностную проблему образованных русских людей, оторванных как от классической философской и научной традиции, воспринятой Европой из античности, так и от самой Европы [Федотов, 1927: 160]. По отношению к ней Россия чувствовала глубинную родственность, непреодолимое притяжение, но одновременно отталкивание и чуждость. Это трагическое противоречие выразилось в знаменитом споре о «русской идее». По сути дела, в нём шла речь о глубокой амбивалентности отношения России к Европе, за которым нетрудно увидеть «мучительно решаемый русской мыслью вопрос о том, чем является сама Россия», или поиск Россией своей цивилизационной идентичности [Межуев, 2006: 326-327].

Тем самым интеллигенция – «детище Петрово, законно взявшее его наследие» [Федотов, 1927: 160], должна была ответить на вызов модернизации, отчётливо проявившийся в деятельности Петра Первого. Назначение интеллигенции состояло в том, чтобы последовательно и неуклонно развивать просвещение – возвращать, расширять культурный слой просвещённых людей «в стране, лишённой культуры мысли, но изголодавшейся по ней» [Федотов, 1927: 160]. Мощным препятствием оказалось то, что в результате грандиозных, исторически необходимых преобразований Петра, образовалась пропасть между меньшинством (дворянством) и остальными большинством – народом. Этот разрыв ясно обозначил и уси-

лил «несовместимость двух культурных миров» – русского и европейского [Федотов, 1927: 161], превратив просвещение в задачу невероятной сложности.

Другим могущественным препятствием стало то, что самодержавная власть всё более отдалялась от решения задач просвещения и развития национальной культуры. Трагические судьбы Ивана Новикова и Александра Радищева ясно свидетельствовали, что «первые шаги русской интеллигенции на путях просвещения сознания, а не революции, сопровождалась жертвами и страданиями, тюрьмой и каторгой» [Бердяев, 1990: 17-20]. В дальнейшем нетерпимость власти к свободомыслию только усиливалась, питая «традицию самовластья» [Межуев, 2000: 81-91]. Внутри этой традиции возникло и углублялось противостояние власти и интеллигенции. Необходимость выживать «под гнётом власти роковой» (А.С. Пушкин) сформировала у интеллигенции черты «крайней идейной нетерпимости», создала тип и характер человека, «единственной специальностью которого была революция» [Бердяев, 1990: 17-20].

Пройдя трагический путь – «целый век с царём против народа, прежде чем пойти против царя и народа (1825-1881) и, наконец, с народом против царя (1905-1917)» [Федотов, 1927: 165], в начале XX века интеллигенция пала жертвой Русской революции. Она уничтожила царское самодержавие, но подняла на поверхность социальной жизни тёмные инстинкты массы непросвещённых людей [Федотов, 1927:168]. После революции начался быстрый процесс превращения интеллигенции в работников умственного труда, формировавших интеллектуальную элиту тогдашнего советского общества. Началось превращение интеллигенции в интеллектуалов, по сути, сблизившее Россию с Европой. Однако оставалась нерешённой историческая задача интеллигенции – не был уничтожен раскол между «двумя идеалами жизни» – между образованным меньшинством, живущим «запросами духа», и непросвещённым большинством, живущим «хозяйственными злобами дня» [Федотов, 1927: 168].

Русские мыслители, ставшие свидетелями Русской революции, ясно понимали, что необходимо преодолеть «трагический раскол в русской культуре», который, как и прежде, стоял на пути модернизации России как государства и общества. Они понимали, что это культурная задача большой исторической длительности, но они не сразу осознали, что её предстоит теперь решать в условиях советского тоталитарного режима. Вплоть до 1985 года сохранялась родовая черта этого режима – всепроникающая власть, стремящаяся к полному контролю над обществом и личностью.

На протяжении своей истории Советский Союз решал задачу модернизации, необходимой ему для осуществления индустриализации, производства вооружения и обеспечения обороноспособности. Поэтому роль и престиж интеллектуалов, которые назывались теперь «советской интеллигенцией», были высокими, хотя сама она находилась под полным контролем власти. Если сначала её ядро составляли представители «старой», дореволюционной интеллигенции, то постепенно она стала пополняться выходцами из народа. Благодаря этому численность интеллигенции, включавшей в себя всех, получивших высшее образование, стала быстро увеличиваться. К 1980-м годам доля представителей интеллектуального труда составляла четвертую часть всех работающих [Яковлева, 2019: 211-221].

Важно отметить, что, несмотря на засилье официальной марксистско-ленинской идеологии, в СССР основой гуманитарного образования, начиная со школы, оставалась русская классическая литература. Это обеспечило преемственность культурной памяти и способствовало формированию и наследованию идентичности интеллигенции в советское время. Во многом благодаря русской литературе основой этой идентичности стало воспитание в себе высоких моральных качеств и ценность чтения, образования, интеллектуальной деятельности в целом.

После XX съезда во время хрущевской «оттепели» и в ответ на последовавший за ней брежневский «застой» формируется идентичность критически мыслящего

интеллекта. Таким образом, в советское время воспроизводится тип и характер российского интеллигента, оппозиционного по отношению к деспотической власти. Наиболее полно этот человеческий тип воплотился в деятелях диссидентского движения. Высшей точкой истории советской интеллигенции послевоенного времени стала перестройка. Тогда, во второй половине 1980-х годов, на волне гласности и демократизации интеллигенция, прежде всего гуманитарная, стала оказывать реальное влияние на общественную жизнь и политику. Она участвовала в первых свободных выборах в марте 1989 года и Съездах народных депутатов СССР, приходила работать в структуры государственной власти или же организовывала оппозиционные движения и открыто критиковала политику власти.

В начале 1990-х годов начались процессы распада в среде постсоветской интеллигенции, которая стала одной из жертв политического поражения лидеров перестройки в 1991 году. Начиная с 1992 года можно говорить о снижении общественной активности гуманитарной интеллигенции, усилении конфликтов в её среде, связанных со всё более глубокими ценностными и идейными расхождениями, и об уходе большинства представителей интеллигенции из политики, переключении на предпринимательскую или профессиональную деятельность¹.

Интеллигенция vs. интеллектуалы

В начале XX века одним из итогов размышлений русских философов был вывод о том, что особый склад личности и поведения сделал интеллигенцию во многом противоположностью интеллектуалам. Георгий Федотов утверждал, что интеллигенция – не «люди умственного труда» (*intellectuels*), хотя она связана с этим классом [Федотов, 1927: 146-147]. В современной России распространено представление, что интеллигенцию заменяет класс

интеллектуалов – работников умственного труда, профессионалов, экспертов и «публичных интеллектуалов», влияющих на формирование общественных настроений и позицию власти. Это отмечают и современные западные авторы, пишущие о России. Так, анализируя смену модели «делания философии» в России в 2010-е годы, исследовательница из США Алисса Дебласио выделяет принципиальную особенность этого процесса – фактический отказ философов молодого поколения от использования понятия «интеллигенция». Будущее философии в России связывается ими с «импортированным понятием «интеллектуал», а не с «гораздо более «русским» термином «интеллигенция», который считается устаревшим [De Blasio, 2014].

Некоторые российские исследователи делают вывод, что интеллигенции как таковой больше не существует и можно говорить только о группе «интеллектуалов» [Яковлева, 2019: 215]. Параллельно этому с начала 1990-х годов идёт стремительный процесс переоценки роли и значения интеллигенции в российской истории. На интеллигенцию возлагают вину за то, что она не только сыграла ведущую роль в подготовке Русской революции, разрушившей Российскую империю, но и не смогла предотвратить Гражданскую войну, а в дальнейшем работала «под диктовку Советской власти» [Свиридов, 2010: 157].

В 2000-е годы широким фронтом шёл критический разбор ошибок советских интеллигентов – шестидесятников как «потерпевших поражения» и «ответственных» за неудачи демократических преобразований в постсоветской России [Пригов, 2004; Шестидесятники, 2007]. Считается, что эта идентичность несёт на себе неустранимые черты советской эпохи. Тогда интеллигенция «служила государству и народу» [Возьмитель, 2019: 72-79] или, продолжая традиции предшественников, занималась социальной критикой и просвещением, противостояла власти, а в последний её

¹ Завьялов Б.М. 1995. *Размышления при чтении Селеньи*. С. 226-227. URL: <http://ecsocman.hse.ru/data/673/928/1231/RUBEV6-7x20-x200198-228.pdf> (дата обращения: 01.05.2020).

период активно поддержала политику перестройки и демократические реформы М.С. Горбачёва.

Начиная с 1980-х годов утверждается представление об исчерпанности роли интеллигенции в России. Одно из обоснований этому находят в теории постиндустриального общества, принципиально отличного от предшествующего этапа, связанного с такими феноменами, как информационное общество и «экономика знаний». Это вызвало рост численности, востребованности, влияния интеллектуалов и формирование на этой основе «креативного класса» [Флорида, 2005]. Нельзя так же не принимать в расчёт, что распространённой стратегией людей интеллектуального труда в современном открытом мире становится отъезд на работу по контракту в другие страны или эмиграция – тенденции, получившие название «утечка мозгов». Этот процесс характерен для России, начиная с 1990-х годов.

Его нынешнюю интенсивность демонстрируют данные 2017 – 2019 годов. В докладе Всемирного банка «Миграция и утечка мозгов в Европе и Центральной Азии» утверждается, что в 2017 году 10,6 млн граждан РФ уехали из страны для работы за рубежом. По абсолютной численности эмигрантов Россия прочно держит лидерство среди 24 государств в регионе «Европа и Центральная Азия». Исследование РАНХиГС показало в 2018 году, что интеллектуальная эмиграция из России в текущем десятилетии демонстрирует рост: за рубежом проживают около 2,7 млн. уроженцев России, из них только около 1,5 млн сохраняют российское гражданство. Ежегодно в развитые страны эмигрируют около 100 тыс. человек, из них в среднем около 40% имеют высшее образование. В целом, к 2018 году за рубежом проживало около 800 тыс. россиян, имеющих высшее образование².

Опрос Boston Consulting Group, проведённый в 2019 году, в котором участвовали 24 тыс. респондентов, показал, что чуть больше половины отвечавших на вопросы анкеты представителей российской интеллектуальной элиты (50% российских учёных, 52% топ-менеджеров, 54% IT-специалистов) хотят работать за рубежом. Аналогичное желание высказали 49% работников инженерных специальностей и 46% врачей. 65% потенциальных эмигрантов являются представителями наиболее востребованных современных профессий – специалистами по искусственному интеллекту, скрам-мастерами, дизайнерами пользовательского интерфейса и т.д. Из них 57% – молодые люди в возрасте до 30 лет. В среде студентов (до 21 года) доля потенциальных мигрантов достигает 59%³.

В свою очередь, данные «Левада-центра» показывают, что в 2019 году число желающих уехать из России росло быстрыми темпами. Так, в сентябре 2019 года 21% россиян выразили желание эмигрировать, что на 6% больше, чем в мае 2019 года. Таким образом, этот показатель почти достиг максимального значения (22%), которое отмечалось в 2013 году. Чаще о желании уехать из страны говорят респонденты с высшим образованием (26%). В то же время доля тех, кто предпринимает практические шаги для переезда, не изменилась за два года и составляет около 7%. Важно отметить, что среди причин, вызывающих желание уехать из России, на первое место вышло «желание обеспечить детям достойное будущее за рубежом» (45% опрошенных). Одновременно среди самых молодых респондентов (18-24-летних) желание уехать высказали более половины (53%). Это самый высокий показатель за десять лет (с 2009 года)⁴. Помимо очевидных экономических, демографических и политических последствий, «утеч-

² РБК: 23 января 2019. URL: <https://www.rbc.ru/society/23/01/2018/5a673f129a794712579d7dbe> (дата обращения: 01.05.2020).

³ Finanz.ru: 09.10.2019. URL: <https://www.finanz.ru/novosti/aktsii/utechka-mozgov-iz-rossii-prevysila-10-millionov-chelovek-1028587894> (дата обращения: 01.05.2020).

⁴ Левада-Центр: 26.11.2019. URL: <https://www.levada.ru/2019/11/26/emigratsionnye-nastroeniya-4/> (дата обращения: 01.05.2020).

ка мозгов» сопровождается глубинными изменениями идентичности российского образованного класса, и прежде всего той его части, которая раньше идентифицировала себя с русской интеллигенцией, соотносила себя с её идеями и кодексом поведения. «Оценивая роль интеллигенции в современной России, только 15% считают эту роль значительной, а каждый третий либо затрудняется ответить, либо уверен, что интеллигенция практически не играет никакой роли» [Как живешь, интеллигенция? 2018: 202].

Мы считаем, что на вопрос, исчезает ли интеллигенция из современной российской жизни, нельзя ответить, если опираться только на данные статистики и социологических опросов. Интеллигенцию, тысячами нитей связанную с российской историей, ставшую неустранимой частью национальной памяти, нельзя изъять из современной российской культуры.

В то же время в России существуют очевидные признаки кризиса идентичности интеллигенции. О нём свидетельствуют данные опросов об отношении к ценности образования, ключевой для формирования этой идентичности. С одной стороны, существуют явные признаки «образовательного бума»: в конце 1990-х и в 2000-е годы происходил быстрый рост студенчества, в 2013 году доля поступивших в вузы составила 76% возрастной когорты⁵. Родители вкладывают в образование детей существенные для своего бюджета средства, так как количество бюджетных студентов в середине второго десятилетия XXI века было существенно ниже, чем в конце советской эпохи⁶.

С другой стороны, согласно недавнему опросу ВЦИОМ, увеличилась доля тех, кто считает, что диплом о высшем образовании нужно получать, потому что так принято (с 6% в 2010 году до 18% в 2019 году)⁷. Тот же опрос показывает, что боль-

шинство россиян не считают образование обязательным условием для устройства на высокооплачиваемую работу: россияне не считают, что образование оказывает существенное влияние на материальное благополучие человека, и за двадцать восемь лет убежденность в этом значительно выросла (так считали 47% в 1991 году и 70% в 2019 году). Кроме того, за одиннадцать лет опросов усилился скепсис в отношении того, что образование является условием удачной карьеры. Характерно и то, что россияне стали считать образование менее доступным: так думали 53% в 2016 году и 63% в 2019 году⁸. Последнее означает, что «вход» в социальную группу интеллигенции стал намного сложнее, чем в советскую эпоху. Теперь он обусловлен уровнем материального благосостояния, и это прямо связано с острой проблемой неравенства в современной России.

Ещё один показатель кризиса идентичности связан с изменением отношения к чтению. Как известно, принадлежность к интеллигенции выстраивалась вокруг чтения и обсуждения определённого набора художественных произведений. По данным исследования 2016 года, только 40% респондентов из группы интеллигенции (опрашивались педагоги, медицинские работники и работники культуры) посвящают свободное время чтению [Как живешь, интеллигенция? 2018: 201]. Как и в дореволюционной России, в советскую эпоху важную роль в формировании и закреплении принадлежности к интеллигенции выполняли литературные журналы. В СССР их ещё называли «толстые журналы», среди которых наиболее популярными были журналы «Новый мир», «Иностранная литература», «Знамя», «Дружба народов». После журнального бума конца 1980-х – начала 1990-х к середине 1990-х годов тиражи «толстых» журналов упали примерно в 25 раз. Таким образом, про-

⁵ Высшее образование: больше, лучше или дешевле? 2016. *Демоскоп Weekly*. № 669 – 670. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2016/0669/tema02.php> (дата обращения: 01.05.2020).

⁶ Там же.

⁷ ВЦИОМ. Высшее образование: социальный лифт или потерянное время? Аналитический обзор № 4010 URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=9808> (дата обращения: 01.05.2020).

⁸ Там же.

изошло разрушение группового уровня существования российской интеллигенции, объединявшейся вокруг общих ценностей и смыслов, транслируемых в художественной литературе, обязательной не только для образования, но и для признания принадлежности к интеллигенции.

Перечисленные тенденции недвусмысленно свидетельствуют о разрушении ценностного комплекса русской – советской интеллигенции, в котором высшие места занимали свобода, справедливость, стремление к истине (через просвещение и образование), воспитанность, высокие моральные качества [Здравомыслова, Кутукова, 2009: 30-39]. Для российского общества это может означать, что исчезает субъект, который исторически выполняет задачу просвещения, необходимую для того, чтобы Россия развивалась как страна, обладающая современным уровнем науки и культуры.

В поисках идентичности

Идентичность является ключевым элементом субъективной реальности и возникает из взаимосвязи индивида и общества. Классики социологии XX века, П. Бергер и Т. Лукман, обращают внимание на то, что, возникнув и закрепившись в обществе («однажды выкристаллизовавшись»), идентичность поддерживается, видоизменяется или даже переформируется социальными отношениями, в свою очередь, оказывая воздействие на общество – «поддерживая, модифицируя или даже переформируя» социальную структуру [Бергер, Лукман, 1995: 179].

В исследовании, проведенном нами в 2010 [Здравомыслова, Кутукова, 2010] и повторенном в 2019 году, ставился вопрос о том, в какой мере сформированная в отечественной культуре и истории идентичность интеллигента и принадлежность к социальной группе интеллигенции являются понятными и значимыми для образованных людей – как живущих в России (в Москве), так и уехавших жить и работать на Запад. Исследование было проведено в два параллельных этапа.

Первый этап – опрос среди студентов первого и второго курсов (общее число

опрошенных 200 человек) факультета журналистики одного из элитных московских вузов. Представления о принадлежности к интеллигенции рассматривались в контексте представлений о том, намериваются ли молодые люди жить и работать в России или предпочитают уехать – на время или навсегда. Одновременно проводились интернет-интервью специалистов, уехавших из Москвы и живущих и работающих в США (20 человек).

Отметим, что опрошенные нами студенты принадлежат к той же возрастной группе (18-24 года), в которой, по данным «Левада-Центра», в 2019 году оказалась самая высокая доля желающих уехать из России. Нашими респондентами были молодые люди, которые имеют семейные и образовательные ресурсы, достаточные для того, чтобы осуществить эту стратегию. Именно поэтому для исследования был выбран вуз, студенты которого имеют реальную, а не гипотетическую возможность выбирать между жизнью и работой в России или вне её.

Оказалось, что самая большая группа студентов (43%) хотят «поучиться и поработать за границей, набраться опыта и вернуться в Россию». Вторая по численности группа (31%) ещё не определилась с выбором стратегии. На третьем месте (17%) – те, кто хочет работать и жить за границей, преимущественно в Европе. Они объясняют это довольно просто: «в России делать нечего» (Сергей, 18 лет: «А что тут делать, в этой стране?»). Наконец, 7% опрошенных хотят работать и жить только в России. Причём если молодые люди чаще обосновывают это своей приверженностью ценностям патриотизма (Дмитрий, 19 лет: «Потому что я – патриот»), то девушки делают акцент на том, что для них важна культура, русский язык (Елена, 19 лет: «Не хочу потерять связь с русской культурой, оказавшись внутри чужой, которую нужно осваивать, впитывать в себя, чтобы жить и работать»).

Можно с большой долей уверенности говорить о том, что преимущественная стратегия – это жизнь и работа в России, при условии, что она остается открытой страной, что возможность какое-то время

жить и работать вне её, не будет означать эмиграцию. Высказанное частью студентов желание «уехать навсегда», скорее, эмоция, чем аргументация. Хотя нельзя не обращать внимания на то, что такая эмоция оказалась не столь редкой у молодых людей, и это углубляет кризис идентичности, не разрешимый при отсутствии определённого представления о связи своего прошлого, настоящего и ожидаемого будущего. В данном случае на месте прошлого и настоящего (жизнь в России) оказывается провал («здесь нечего делать»).

Желание «жить только в России», свидетельствует, скорее, не о патриотизме, а о страхе перед открытым миром, в котором можно «потерять себя», оказаться несостоятельным. Наконец, значительная доля затруднившихся с ответом на вопрос о стратегии выбора, где жить и работать, с одной стороны, естественна для молодых людей, а с другой стороны, отсутствие каких-либо представлений о стратегии может свидетельствовать о переживании пугающей неопределённости настоящего и будущего, как в России, так и за её пределами.

Характерно, что вне зависимости от желания уехать из России или остаться в ней, молодые люди считают «интеллигентность», безусловно, положительным качеством личности, близким к идеалу. Если обобщить ответы, то оказывается, что интеллигентность для них – это «сочетание образованности и высокого уровня культуры, особенно культуры поведения». Напротив, представления об интеллигенции как социально-психологическом типе неоднозначны: нет единого и единственного образа, его черты противоречат друг другу. При этом сами черты, судя по всему, являются устойчивыми, поскольку именно они были выделены студентами как в 2010 году, так и в 2019 году. Характерно, что идейность и беспочвенность, гражданственность и революционность, которые русские философы считали главными чертами интеллигенции, никак не были обозначены в ответах студентов. Согласно ответам студентов, интеллигент – это:

– разновидность интеллектуала: образованный человек, овладевший од-

ной из массовых гуманитарных профессий (врач, учитель, учёный);

– литературный персонаж – образ из классической русской литературы (тургеневский или чеховский герой);

– один из идеальных человеческих типов – недостижимый и, к сожалению, несовременный образец: в реальности редко встречается, принадлежит прошлому;

– один из отрицательных, даже презираемых, человеческих типов, глубоко укоренённых в советском прошлом (много говорящий, бесполезный) – «совковый интеллигент».

На вопрос, считаете ли вы себя российским интеллигентом, мнения студентов, опрошенных в 2019 году, разделились. 40% из них не считают себя интеллигентами, потому что «не соответствуют» этому «высокому понятию». Наиболее типичные обоснования таких ответов: «недостаточное образование», «недостаточность культуры, воспитания» (Николай, 19 лет: «Демонстрируемый мною уровень воспитания не даёт преодолеть порог вхождения в круг интеллигентов»).

Характерно, что большая часть студентов (60%) считают себя интеллигентами, в основном имея в виду свой интеллектуальный уровень, который они оценивают как «высокий». Отвечая на вопрос, «есть ли такие люди в вашем окружении?», как правило, приводят в пример своих родителей или людей старшего поколения. Среди сверстников назвать «интеллигентов» затрудняются.

Обращают на себя внимание ответы, в которых звучит мысль о том, что понятие интеллигенции меняется. Оно соответствует опыту поколения. (Ирина, 18 лет: «Само понятие «интеллигенция» для нашего поколения означает уже что-то другое... Что именно, пока трудно точно определить»).

Иначе говоря, интеллигенция не представляется современным молодым людям некой неизменной сущностью – её понимание может развиваться, наполняться смыслами, соответствующими новому времени.

Стремление сделать предметом рефлексии саму себя – родовая черта русской

интеллигенции и основа её идентичности. Механизмом идентификации выступает «русский спор». Хорошо известный по классической художественной литературе, он достиг высот в философских сборниках «Вехи» (1909 год) и «Из глубины» (1918 год), ещё раз доказав, что публичное самоосмысление всегда было для интеллигенции одним из важнейших способов сохранения и трансляции традиций своей культуры и воспроизводством идентичности, неизменно оказывавшей влияние на русское общество.

Сейчас этот спор продолжается на пространстве русского Интернета, а участие в нём является всё тем же традиционным способом идентификации интеллигенции. Понятия, смыслы, являющиеся предметом спора, меняются, как и сама культура. Одни передвигаются в центр, другие «устаревают», возможно, на время, и уходят на периферию. Таким образом, меняется дискурс интеллигенции и дискурс об интеллигенции – мы имеем дело с новым «языковым опытом говорящего субъекта» [Гаспаров, 1996: 21]. Однако российские интеллигенты по-прежнему выражают и опознают себя в нескончаемом споре о России, её прошлом, настоящем и будущем. В нашем исследовании это отчетливо проявилось в дискуссиях, которые ведут образованные россияне, живущие и работающие вне России.

«Русский спор», который они продолжают в пространстве глобальной сети, является показателем устойчивости идентичности интеллигенции и стремления сохранить принадлежность к ней, живя в другой культуре. По нашим наблюдениям, ядром, поддерживающим и развивающим «русский спор», являются русскоязычные пользователи интернета в возрасте 30-40 лет – живущие в России и за её пределами. Главный предмет спора – цивилизационный выбор России («рынок – дерьмо», а Россия никак «не может» или «не хочет» превратиться в «нормальную восточно-европейскую страну, не лучше и не хуже Венгрии, Хорватии или Польши») и традиционные ценности («консерватизм, праволавие и великая русская литература»).

Оживлённо обсуждается тип современного русского, прагматичного и предавше-

гося безудержному потреблению, предпочтя его истинным ценностям («юная поросль отлично разбирается во всём, что касается потребления», отличаясь при этом «полным отсутствием эрудиции» и неспособностью мыслить). Легко распознать в аргументации спорящих точки отсчета («а я всё со своими стандартами»), заданные принадлежностью к русской интеллигенции. Перечислим их: ценность высокой культуры, противопоставленная прагматизму («гламурные русские тёлки» не хотят знать о «Моцарте, Пушкине, Чайковском, Цветаевой, Циолковском», хотя «при этом легко бьют товарищей компетенцией в современной музыке, кино, шоу-бизнесе и прочем»; «вообще, «литература» (любая) не является сборником ответов на вопросы бытия и не свод руководства к действию»); презрение к идеологии и реальности консьюмеризма; отрицание отношений, построенных на расчёте и выгоде («картина взаимоотношений «ты исполняешь мои желания, а я исполняю твои» непременно содержит в себе торг»).

Нынешние россияне, живущие и работающие за пределами России, значительно отличаются от эмигрантов советского времени. Прежде всего тем, что, в отличие от последних, уезжая не вынужденно (по политическим причинам), а выдвигая экономические, профессиональные и психологические мотивы отъезда, они, как правило, тесно связаны с Россией, регулярно ездят на родину и благодаря Интернету находятся в постоянном (зачастую даже ежедневном) общении с соотечественниками. Они больше не отделены «железным занавесом» от современной российской жизни и культуры, не оторваны от общения на русском языке. При всех различиях отношения к своей исторической родине, подавляющая часть из них считают себя людьми русской культуры и представителями русской (не в этническом, а в культурном, ценностном смысле) интеллигенции. Иными словами, они определяют себя (идентифицируют) как русских интеллигентов. Характерно рассуждение Елены (38 лет), респондентки, имеющей двойное гражданство и живущей попеременно в России и в США:

В отличие от интеллигенции, выехавшей из России в советское время, которая настороженно относится ко всему русскому, не верит в то, что в России может быть что-либо хорошее и не хочет слышать о переменах, интеллигенция, выехавшая свободно из России, более лояльно относится к России. Более того, идеализирует её, не замечая проблем. Получая информацию о коррупции или бессилии закона в России, они этому не верят. Эта интеллигенция уже оторвана от русской почвы, хотя бывает в России, имеет там родственников. Но что интересно, даже находясь в России, они не видят проблем, им всё нравится, и они настроены позитивно. Они идентифицируют себя с русской интеллигенцией, и содержание этого понятия для них остаётся классическим и включает все те ценности, которые определяются как «русские» (Елена, 38 лет).

Характерно и другое – россияне, живущие и работающие на Западе и резко критикующие Россию, как правило, распространяют это отношение и на отечественную интеллигенцию – историческую и современную.

В то же время как для тех, так и для других традиционная русская интеллигенция уже не является *единственным* основанием культурной идентичности. *Если поставить их перед выбором: американский или русский паспорт, они выберут американский без колебаний, так как этот паспорт даёт им свободу перемещения по миру. Ощувив себя гражданами мира, они уже никогда не откажутся от этой привилегии, даже ради идеи «спасения России». Дети в некоторых семьях воспитываются только в американской культуре. Однако вопреки желанию родителей сделать из детей стопроцентных американцев, дети начинают тянуться к русской культуре, интересоваться своими корнями, ездить в Россию. А у некоторых появляется желание поселиться в Москве (Мария, 40 лет).*

Приведём несколько ситуаций, демонстрирующих компромиссное решение проблемы идентичности в русских семьях, живущих в США:

1. Молодой человек 35 лет, выходец из интеллигентной московской семьи.

Учился в МГУ по специальности ВМК. С 19 лет учился в США. Там и остался, так как условия для работы лучше, чем в России. Английским языком владеет свободно, проблем с интеграцией не было. Считает себя русским интеллигентом в классическом понимании. Жена русская, выехала из России в связи с делом ЮКОСА. Брак зарегистрировали в США, родилось двое детей. Книги читают детям на русском и на английском. Дома говорят на русском, но будущее для ребенка видят «американское». Родители живут в России, но часто приезжают и помогают с детьми. Поэтому семья в курсе всех новостей и следит за всем происходящим в России. Сын занимается наукой и имеет двойное гражданство.

2. Музыкант, 61 год. Уехал в США в советское время. Православный. Ходит в русскую церковь. Считает себя русским интеллигентом. Руководит американским хором, исполняющим русскую музыку. Восстановил российское гражданство. Безгранично любит Америку, как и русскую культуру. Но детей не хотят воспитывать в русской культуре, объясняя это тем, что в Америке надо быть американцем, так удобнее жить. Объясняет это естественным желанием, продиктованным любовью к детям.

3. Семья. Жена – врач, 48 лет. Муж – биотехнолог, 49 лет. Оба успешно интегрированы в американскую жизнь. Она практикующий врач. Имеют двойное гражданство. Оба считают себя истинными русскими интеллигентами. Идеализируют Россию, верят в её светлое будущее. Очень интересуются жизнью в России. Просят привозить им свежую литературу, книги на русском языке. Главная ценность для них – свобода. Понимание того, что они могут жить, где хотят. Дети:

Сын Игорь, 26 лет, получил американское образование. Стал бардом. Пишет стихи на русском языке, поёт на русском. Часто ездит в Россию, где ему всё нравится. Встречается с девушкой из России и думает жить в Москве. Считает себя русским интеллигентом;

Сын Александр, 19 лет. Увлечён наукой, по-русски предпочитает не читать, так как

испытывает языковые трудности, но отождествляет себя с русской культурой.

Двойная, или «кросскультурная» (американо-российская, европейско-российская) идентичность является преимущественным выбором в семьях образованных людей, уехавших из России в постсоветское время. При этом результаты исследования позволяют предположить, что основанием российской идентичности считается принадлежность к русской интеллигенции, соотнесение с набором ценностей и смыслов, которые содержит в себе это понятие. Вместе с тем само понятие, или концепт «интеллигенция» не является застывшим образом, «построенным объектом» – раз и навсегда данным, связанным исключительно с классической русской литературой или образами советской интеллигенции.

* * *

В ходе постсоветских трансформаций идентичность интеллигенции становится менее понятной для молодых образованных россиян, поскольку интеллигенция в значительной степени утратила свою традиционную роль инициатора и участника общественных изменений и уникальную роль моральной элиты, нравственного камертона в обществе. Последствия этого процесса могут оказаться значительны и деструктивны, поскольку они связаны с сокращением объема культурной памяти и нарушением культурной преемственности.

Меняется дискурс интеллигенции и дискурс об интеллигенции, хотя интел-

лигенция по-прежнему выражает себя в споре о прошлом, настоящем и будущем России. Существует тенденция маргинализации российской интеллигенции как особой социальной группы и культурной элиты общества, однако эта тенденция вписана в длительный процесс трансформации идентичности интеллигенции, сближающий её с европейскими интеллектуалами. При этом попытки представить русскую интеллигенцию в виде «неизменной сущности», лишённой временных характеристик, ввести её вместе с классической русской литературой в пантеон застывших «традиционных ценностей» разрушительны для культурной памяти, которая должна оставаться живой, чтобы вместить в себя современный опыт.

Открытость изменениям, которые происходят в культуре и обществе, позволяет концепту «интеллигенция» оставаться важным элементом формирования идентичности образованных людей, родившихся в России, думающих и говорящих на русском языке – прежде всего тех из них, кто принадлежит к молодым, постсоветским поколениям. В их представлениях проследживается стремление обратиться к ценностям, исторически составлявшим моральный кодекс русского интеллигента. Таким образом, речь идёт не об исчезновении интеллигенции из общественной жизни, а о том, что формирование идентичности интеллигенции становится своего рода культурным вызовом для молодого поколения современных россиян.

INTELLIGENTSIA LIKE A CHALLENGE: THE IDENTITY OF THE RUSSIAN INTELLIGENTSIA IN THE 21st CENTURY

O.M. Zdravomyslova, N.V. Kutukova

Olga M. Zdravomyslova – Doctor of Sciences (Philosophy); Sociologist, Executive Director of the International Foundation for Socio-Economic and Political studies (The Gorbachev Foundation). 125167, Moscow, Leningradsky Prospekt, 39. E-mail: olgazdrav@gorby.ru

Natalia V. Kutukova – Associate Professor, Department of the World Literature and Culture. MGIMO University. 119454, prospect Vernadskogo 76. E-mail: kutukova-natalya@yandex.ru

Zdravomyslova O.M., Kutukova N.V. 2020. Intelligentsia Like a Challenge: the Identity of the Russian Intelligentsia in the 21st Century. *Concept: Philosophy, Religion, Culture*. Vol. 4. № 1(13). P. 7-20.
<https://doi.org/0.24833/2541-8831-2020-1-13-7-20>

Received: 11.12.2019. Accepted: 24.01.2020.

Conflicts of interest. The authors declare absence of conflicts of interest.

Abstract. *The article is devoted to the problem of the Russian intelligentsia identity formation in the 21st century. The authors trace a historical path that the Russian intelligentsia has gone through. Russian philosophers of the 20th century rated this path as tragic, noting that the intelligentsia itself wrote its own history, having captured it in great cultural texts well known in Russia and in the world. The need to understand oneself, one's purpose, to understand the peculiarity of the situation in Russia and the world is an expression of the intelligentsia's self-consciousness. Cultural memory, allowing the intelligentsia to maintain its own integrity, plays a leading role in shaping the identity of the intelligentsia. It allows for its own integrity to be maintained. The Russian intelligentsia is a socio-cultural type, including the complex mix of ideas and values which has been shaped since the end of the 18th century in difficult historical conditions. From the beginning, the intelligentsia tried to solve the problem of Russian modernization through enlightening, initiating social changes and participating in them. The Russian intelligentsia formed a special character - psychological traits and behavior, opposite to the type of European intellectuals. Until now, the Russian intelligentsia argues about itself, becoming sometimes closer to European intellectuals, but affirming sometimes its singularity. Nevertheless, in modern Russia there is a widespread perception that the intelligentsia is being replaced by a class of intellectuals - professionals, experts, and public intellectuals which strive to influence the formation of public discourse and the discourse of power. In the course of post-Soviet transformations, the intelligentsia began to lose not only the role of public and political actor, but also the role of the moral elite. The consequences of this process are destructive for younger generations and society as a whole. The study conducted by the authors of the article shows that the discourse of intelligentsia is changing as well as the discourse about it, although the intelligentsia is being constructed in a process of permanent dispute about the past, present and future of Russia. At the same time, intellectual identity is being formed in this dispute. So, it would be wrong to perceive the Russian intelligentsia as an unchanging phenomenon. Its openness to cultural and social changes allows us to talk about the formation of the intelligentsia of the 21st century. The study also reveals that the attitudes towards the intelligentsia expressed by the young generation of educated Russians living in an open, global world, are changing. The new vision of the intelligentsia is similar to its European perception as an intellectual elite. At the same time, a desire of young Russians to turn to the values historically constituting the moral code of the Russian intelligentsia, is observed. Thus, it cannot be said that the intelligentsia has disappeared from Russian public life; instead, the intelligentsia identity is a cultural challenge for the younger generation of modern Russians.*

Keywords: intelligentsia, intellectuals, search for self-identity, Russian dispute, philosophy, cultural memory.

References:

De Blasio A. 2014. *The End of Russian Philosophy. Tradition and Transition at the Turn of the 21st Century*. New York: Palgrave MacMillan. 232 p.

Zdravomyslova O.M., Kutukova N.V. 2010. Russian Intelligentsia Like a Challenge: Concept, Value and Identity (report). *The Russian Language Outside the Nation*. Edinburgh: The University of Edinburgh. 31 March – 03 April.

Andreeva G.M. 2005. *Psihologija social'nogo poznanija* [The Philosophy of Social Cognition]. Moscow: Aspekt Press. 274 p. (In Russian).

Berger P., Lukman T. 1995. *Social'noe Konstruivovanie real'nosti. Traktat po sociologii znaniya* [The Social Construction of Reality. A Treatise on Sociology of Knowledge]. Moscow. Medium. 179 p. (In Russian).

Berdjaev N.A. 1990. *Istoki i smysl russkogo kommunizma* [The origins and meaning of Russian communism]. Moscow: Nauka. 224 p. (In Russian).

Fedotov G.P. (pen name Bogdanov E) 1927. Tragedija intelligencii [Tragedy of the Intelligentsia]. *Versty*. № 2. P. 145-184. Paris. (In Russian).

Florida R. 2005. *Kreativnyj klass: ljudi, kotorye menjajut budushhee* [The Rise of The Creative Class and How It's Transforming Work, Leisure, Community and Everyday Life]. Moscow. Klassika-XXI. 430 p. (In Russian).

Gasparov M.L. 1996. *Jazyk, pamjat', obraz. Lingvistika jazykovogo sushhestvovaniya* [Language, Memory, Image. Linguistics of Linguistic Existence]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie. 21 p. (In Russian).

Kak zhivesh', intelligencija? 2018. Sociologicheskie ocherki: kollektivnaja monografija [How do you live, intelligentsia? Sociological essays: collective monograph]. Otv. red. Zh.T. Toshhenko. Moscow: Centr social'nogo prognozirovaniya i marketinga. 202 p. (In Russian).

Mezhuev 2000. V.M. Traditsija samovlastija v sovremennoj Rossii [Tradition of Autocracy in Modern Russia]. *Kuda idet Rossia. Vlast', ostshestvo, lichnost'*. Moscow. Intersentr. P. 81-92 (In Russian).

Mezhuev V.M. 2006. *Idea kul'tury* [The Idea of Culture]. Moscow: Progress-Tradition. 408 p. (In Russian).

Prigov D.A. 2004. O nih, o shestidesjatkah, o rodimyh! [About Them, about Sixties, about Dears!]. *Iskusstvo kino*. № 5. P. 37-40 (In Russian).

Sviridov V.P. 2010. Rol' intelligencii v uslovijah transformacii sovremennoego rossijskogo obshhestva [The Role of Intellectuals in the Transformation of Modern Russian Society]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta*. Serija Istorija i politicheskie nauki. № 3. 154-158 (In Russian).

Shestidesjatniki [Sixties]. 2007. Sbornik statej. Moscow: Fond Liberal'naja missija. 208 p. (In Russian).

Voz'mitel' A.A. 2019. Stanovlenie i smysly zhizni sovetsoj intelligencii. Sud'by rossijskoj intelligencii: proshloe, nastojashhee, budushhee [The Formation and Meanings of the Life of the Soviet Intelligentsia. The Fate of the Russian Intelligentsia: Past, Present, Future]. *XX Mezhdunarodnaja teoretiko-metodologičeskaja konferencija, RGGU*. 9 apr. 2019 goda: sbornik statej pod redakciej Zh.T. Toshhenko; redaktor-sostavitel' D.G. Cybikova; RGGU, Sociologičeskij fakul'tet, Centr sociologičeskijh issledovanij. Moscow: RGGU. P. 72-79 (In Russian).

Yakovleva M.N. 2019. Rossijskoe gosudarstvo glazami sovremennoj intelligencii. Sud'by rossijskoj intelligencii: proshloe, nastojashhee, budushhee [Russian State through the Eyes of the Modern Intelligentsia. The Fate of the Russian intelligentsia: Past, Present, Future]. *XX Mezhdunarodnaja teoretiko-metodologičeskaja konferencija, RGGU, 9 apr. 2019 g.* Sbornik statej pod obshh. red. Zh.T. Toshhenko; red.-sost. D.G. Cybikova. Sociologičeskij fakul'tet, Centr sociologičeskijh issledovanij. Moscow: RGGU. P. 211-221 (In Russian).

Zdravomyslova O.M., Kutukova N.V. 2009. Intelligencija kak cennost' «russkogo mira»: k probleme istoričeskogo i kul'turnogo kontekstov v obuchenii russkomu jazyku. Russkij jazyk — posrednik v dialoge kul'tur. [Intelligentsia as the value of the «Russian world»: to the problem of historical and cultural contexts in learning Russian language]. [Russian Language – Mediator in the Dialogue of Cultures]. *Mezhdunarodnaja nauchno-metodičeskaja konferencija 19-20 fevralja 2009 g.* Moscow: MGIMO-University. P. 30-39 (In Russian).

Список литературы на русском языке:

- Андреева Г.М. 2005. *Психология социального познания*. Москва: Аспект Пресс. 274 с.
- Бергер П., Лукман Т. 1995. *Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания*. Москва. Медиум. 179 с.
- Бердяев Н.А. 1990. *Истоки и смысл русского коммунизма*. Москва: Наука. 224 с.
- Возьмитель А.А. 2019. Становление и смыслы жизни советской интеллигенции. *Судьбы российской интеллигенции: прошлое, настоящее, будущее: XX Международная теоретико-методологическая конференция, РГГУ, 9 апреля 2019 года: сборник статей*. Под редакцией Ж.Т. Тощенко; редактор-составитель Д.Г. Цыбикова; РГГУ, Социологический факультет, Центр социологических исследований. Москва: РГГУ. С. 72-79.
- Гаспаров М.Л. 1996. *Язык, память, образ. Лингвистика языкового существования*. Москва: Новое литературное обозрение. 21 с.
- Здравомыслова О.М., Кутукова Н.В. 2009. Интеллигенция как ценность «русского мира»: к проблеме исторического и культурного контекстов в обучении русскому языку. *Русский язык – посредник в диалоге культур. Международная научно-методическая конференция 19-20 февраля 2009 г.* Москва: МГИМО-Университет. С. 30-39.
- Как живешь, интеллигенция?* 2018. Социологические очерки: коллективная монография. Отв. ред. Ж.Т. Тощенко. Москва: Центр социального прогнозирования и маркетинга. 202 с.
- Межуев В.М. 2000. Традиция самовластия в современной России. *Куда идет Россия. Власть, общество, личность*. Москва: Интерцентр. С. 81-92.
- Межуев В.М. 2006. *Идея культуры*. Москва: Прогресс-Традиция. 408 с.
- Пригов Д.А. 2004. О них, о шестидесятниках, о родимых! *Искусство кино*. № 5. С. 37-40.
- Свиридов В.П. 2010. Роль интеллигенции в условиях трансформации современного российского общества. *Вестник Московского государственного областного университета*. Серия «История и политические науки». № 3. С. 154-158.
- Федотов Г.П. 1927. Трагедия Интеллигенции. *Вёрсты*. № 2. С. 145-184. Париж. (Подписано Богданов Е.).
- Флорида Р. 2005. Креативный класс: люди, которые меняют будущее. Москва: *Классика-XXI*. 430 с.
- Шестидесятники*. 2007. Сборник статей. Москва: Фонд Либеральная миссия. 208 с.
- Яковлева М.Н. 2019. Российское государство глазами современной интеллигенции. *Судьбы российской интеллигенции: прошлое, настоящее, будущее. XX Международная теоретико-методологическая конференция, РГГУ, 9 апр. 2019 г.* Сборник статей под общ. ред. Ж.Т. Тощенко; ред.-сост. Д.Г. Цыбикова. Социологический факультет, Центр социологических исследований. Москва: РГГУ. С. 211-221.